

ГРИМАСЫ ПРОКАТА, или О СТРАННОЙ ПОЛЬЗЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПОТряСЕНИЙ

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

● Все революции развиваются одинаково. Начинаются со вполне объяснимого желания инициаторов улучшить жизнь, а свержаются под лозунгом «отречения от старого мира», в котором разрушается все: и плохое, и нуждающееся в трансформации, и просто хорошее. Вскоре революционЭрам становится ясно, что новое само на смену старому не придет, что «ломать — не строить», что все силы ушли на разрушение и что вообще, быть может, все было напрасно...

Тут-то и восстает разрушенный, казалось, до основанья старый мир. И таким он вдруг представляется

чудесным, таким желанным, что всем делается стыдно за свое участие в пламенных революционных баталиях.

Схема сия действует в разных временных интервалах. Иногда (скажем, в случае с нашей Родиной) на развитие вышеописанной ситуации требуется три четверти века. Кинематографической революции на все про все хватило неполных пяти лет. И, пожалуй, нигде общереволюционные закономерности не проявили себя так явно, как в том, что произошло с одной из определяющих сфер кинематографа — кинопрокатом.

В первый, романтический период киноперестройки революционЭрам до проката не было дела. Нечего было противопоставить потоку отечественной и зарубежной серости, заполонившему наши экраны.

Но вот была куплена первая партия мировых киношедевров. «Скромное очарование буржуазии», «Разговор», «8 1/2» и «Семь самураев» оставили массового зрителя равнодушным, что естественно. Всю жизнь смотреть «Гангу и Джамну», «Зиту и Гиту», «Решму и Шеру», «Рама и Шиама», а потом вдруг прочесть в любимом журнале, что все это мусор и что надо немедленно спешить на черно-белое японское кино четвертьвековой давности, — это, знаете ли, слишком для массового сознания. И тот факт, что тончайшая «Легенда о Нарайяме» демонстрировалась у нас как порнографический боевик, лишь подтверждает сокрушительность поражения, которое потерпели революционЭры в попытке образовать советского зрителя.

Впрочем, поражение — не стратегическое. Нужно было наладить выпуск добротных мелодрам и боевиков и перестать заставлять зрителя смотреть то, чего ему смотреть не хочется. Для шедевров же, художественно, существовала система кино клубов.

Однако на добротную коммерцию (чем дальше, тем больше) не хватало денег. Перестать рассказывать несмышленным зрителям, что в кино хорошо, а что — плохо, революционЭры не могли в силу своей природы. Кинолюбникам же очень скоро наскучили шедевры — захотелось зарабатывать деньги, что вообще-то для них неестественно.

Аккурат в это время подоспели фильмы, снятые на отечественных студиях молодыми режиссерами (и теми из старых, что вечно, «задрвштаны, бегут за комсомолом»). Они были Авторами, Творцами своих картин. Над ними не было никого. Ни политического контроля, ни финансового, ни редакторского — с этими «пережитками застоя» было покончено. Прокатчики, тогда еще люди подневольные, покорно выпускали сии произведения в тысячеместные кинотеатры, основные посетители которых, намаявшись за

день на противной работе, вечером за свои кровные 50 копеек получали зрелище душераздирающее. По экрану ходили непонятные люди без возраста и пола, периодически произносили какие-то слова, спаривались в сараях и на свалках, и все это для того, чтобы сказать зрителю: ты жалкий слизняк, раб, твоя жизнь бессмысленна, твое прошлое омерзительно, а будущего у тебя и вовсе нет.

Кинопресса захлебывалась от восторгов, приводила дифирамбы, спетые «молодому кино перестройки и гласности» одним чудесным кинематографическим немцем, другим еще более чудесным кинематографическим бельгийцем и третьим уж совсем расчудесным кинематографическим американцем, перечисляла многочисленные призы, полученные этим кино на маленьких кинофестивалях... Зритель же не только перестал ходить на отечественные фильмы, но и забросил чтение кинопериодики.

И тут появился Исмаил Сулейманович Таги-заде со своими дешевыми американскими боевочками. Прокатчики, получившие уже свободу действий, быстро сгруппировались вокруг него, создали ассоциацию, а кинотеатры избавились от реальной перспективы зарастить мхом и паутиной.

РеволюционЭры взвились. «Очень опасно!» — так и называлась основополагающая статья об ассоциации прокатчиков. Правильно называлась! Теперь уже никто не смог заставить наших дистрибьюторов показывать фильмы, авторы которых относятся к зрителю с неистребимым высокомерием.

Конечно, боевочки Таги-заде были третьесортными. Но, во-первых, их век на наших экранах был недолгим, а во-вторых, они выполнили «историческую миссию» — помогли сохранить систему театрального показа фильмов «в одной, отдельно взятой стране».

Хотя, конечно, нельзя не посетовать на то, что последнее поколение советских людей, вступившее в жизнь на рубеже восьмидесятых — девяностых годов, свято верит в то, что «клевое кино» можно увидеть только по видео. Им бессмысленно объяснять, что в цивилизованном мире фильм на видео появляется спустя полгода после широкого проката в кинотеатрах, что видео — это вспомогательное средство для тех, кто почему-то не успел посмотреть картину в кино, что «Юрский парк» на кассете, доставленной пиратами с Брайтон-Бич и транслируемый ворами с кабельных телесетей, — это не совсем тот «Юрский парк», — это стал самым кассовым фильмом за всю историю мирового кино.

К услугам нашего видеопокорения масса журналов, книг, каталогов, убеждающих в обратном. Целые полосы в государственных газетах, целые передачи на государственном телевидении, повествующие о том, что новенького появилось на рынке краденого. А наемница подалась мне статья, в которой прочитал примерно следующее: молодцы, пираты, хорошо воруют, — качество видеокопий становится все лучше!

И все же, думаю, не этими курьезами определяется современная прокатная ситуация. Она определяется прежде всего тем, что крупные американские кинофирмы оставили бессмысленную идею бойкота Страны Пиратов и вернулись на наши экраны. И оказалось, что мы можем печатать копии на сносной пленке. Оказалось, что еще не разучились дублировать (Здесь, разумеется, надо сказать о хорошей фирме «Екатеринбург АРТ», с упорством, достойным лучшего применения, дублирующей свои ленты на киевском «Синхроне». Смотришь потом «Дикую орхидею» и слышишь: «Та шо ты тут стыйшь? Та иди сюда!»). Наконец, оказалось, что разговоры о «видеофикации всей страны» сильно преувеличены. Фильмы, уже несколько лет «ходящие» в воровском видеопрокате, собирают в кинотеатрах если не полные, то почти полные залы.

И уже появляются наши картины, которые совсем не стыдно показывать параллельно с «Терминатором» или «Горячими головами», — «Окно в Париж», например. Или «Анкор, еще анкор!». Или «Русский регтайм».

А некоторые маленькие фирмочки, дабы продать оказавшиеся у них западные ленты, принялись их сокращать. Правда, теперь режут не эротику, а то, что владельцам кажется «длиннотами»...

Ну все, как встарь. Будто и революции не было.

А может, ее действительно не было?!

Да нет, была! Такого количества свежих и крупных иностранных картин при коммунизме на наших экранах представить не мог никто. Отечественные прокатчики, работающие ныне с ведущими американскими компаниями, непременно перенесут полученный опыт на контакты с отечественными кинопроизводителями.

И все окончательно придет в норму.

Правда, это будет не та норма, к которой стремились революционЭры. Это будет норма в понимании обычных зрителей, посещающих кинотеатры, чтобы отдохнуть и получить удовольствие.

Так что отрицать некую полезность революций все-таки нельзя.

